

Яркие фейерверки рассыпались за окнами, озаряя полумрак банкетного зала на втором этаже.

Окруженный толпой мужчина стоял с небрежно собранными у затылка водопадными серебряными прядями. Его правильные, словно высеченные из камня черты лица поражали своей красотой, но от всей его фигуры веяло таким ледяным холодом, что приближаться к нему никто не смел.

На его чарующем и прекрасном лице застыла полуулыбка, а в руке покачивался бокал с красным вином.

Всех, кто пытался подойти и чокнуться с ним, он неизменно отвергал — до тех пор, пока рядом не раздался голос, полный насмешки:

— Ай-яй-яй, быть того не может, Детрис, ты и впрямь мастер разбивать сердца и женщинам, и мужчинам. Только посмотри на окружающих тебя парней и девчонок — вон как они смотрят, того и гляди сожрут живьем.

Звучало это вроде бы шутливо, но сам мужчина шуткой это не счел.

Он слегка нахмурил брови, и в ярких персиковых глазах промелькнуло брезгливое выражение. Тонкие губы чуть приоткрылись, и хотя слова прозвучали с легким раздражением, голос его звучал необыкновенно приятно:

— Скеч Фолиаред, кажется, я явился на твою скучную вечеринку по случаю дня рождения вовремя и ни на минуту не опоздал. Будет лучше, если ты перестартаешь называть меня просто по фамилии.

Мужчина казался слегка разгневанным, пальцы, сжимающие бокал, невольно сжались сильнее.

В его глубоких глазах невозможно было прочесть никаких эмоций, однако Скеч, будучи единственным другом этого человека, ничуть не боялся его грозного вида.

— Не будь таким занудой, Овини, тебе ведь тоже пора кого-нибудь найти, верно? — как можно более беспечным тоном произнес Скеч Фолиаред, обращаясь к стоящему перед ним Овини Детрису.

Хотя он уже давно привык к мрачной ауре, исходящей от Овини, тот все равно заставлял его невольно ежиться.

Но только так они и могли вести спокойную беседу со своим дорогим другом, не так ли?

Именно так думал Скеч Фолиаред про себя, продолжая без умолку расписывать достоинства своего друга Овини и параллельно предлагая ему на выбор девушек.

Овини устало потер переносицу и с нажимом произвел:

— Кажется, я давным-давно говорил тебе, Скеч: с самого начала и по сей день меня привлекают исключительно мужчины, а к женщинам я испытываю откровенное отвращение. Похоже, мои слова прошли мимо твоих ушей.

Скеч на пару секунд замер, а затем хлопнул себя по лбу:

— Вот дурень, как же я мог забыть! Совсем вылетело из головы, что многоуважаемый господин Овини Детрис не жалобу женщин... Впрочем, мужчины ведь тоже вариант.

Атмосфера вокруг мгновенно стала неловкой.

Было заметно, как Скеч изо всех сил пытается вернуть прежнюю непринужденную обстановку, но Овини, похоже, вовсе не собирался ему подыгрывать.

Под тяжелым давлением ауры Овини атмосфера испарилась без следа. Желая сгладить неловкость, Скеч поспешил найти подходящий предлог:

— Пойду-ка навещу вон тех ребят, а ты, Овини, пока осмотришься здесь.

Овини мысленно вздохнул с облегчением. Этот его дружок вел себя хуже любой бабки на завалинке, изо дня в день донимая его вопросами о свиданиях вслепую.

Хотя он действительно предпочитал мужчин, в глубине души он мечтал оказаться на пассивной роли, а осознав свою ориентацию, сразу понял, что ему уготовано амплуа универсала-актива. Ну или пассивного партнера.

Простояв в одиночестве среди шумной толпы какое-то время, он очнулся от раздумий, лишь услышав голос своего помощника:

— Господин Детрис?

— Сэр, полагаю, нам пора возвращаться. Аяд только что звонил и сказал, что ваше лекарство уже остыло до нужной температуры.

Точно, настало время возвращаться и принимать это мерзкое, горькое снадобье. Как же хотелось, чтобы в этом мире вообще не существовало такой вещи, как традиционная китайская

медицина.

Овини мысленно выругал себя на чем свет стоит и бросил:

— Хорошо, я понял. Передай Скечу, что я ухожу первым, — он поставил бокал с вином на стол, поправил несуществующие складки на манжетах черного костюма и зашагал к выходу из шумного зала своими длинными, прямыми ногами.

Стоявший позади помощник слегка поклонился, и в его глазах блеснул торжествующий огонек, хотя Овини этого не заметил.

— Разумеется, господин Детрис. Я обязательно передам господину Фолиареду, что вы уже уехали. Ну а доберетесь ли вы до дома в целости и сохранности — это уже совсем другая история.

Тихий голос растворился в шуме, и шедший впереди Овини ничего не расслышал.

Серебристый Порше рассекал ночные улицы, его рев придавал этому ночному пейзажу какое-то особенное, дикое очарование. На тротуарах изредка попадались редкие прохожие да нищие в лохмях, которые беспрестанно просили милостыню.

Сидя за рулем спортивного кара, Овини одной рукой зажимал сигарету, а другой уверенно крутил баранку. На его запястье с проступившими венами вился серебряный браслет в виде змеи.

Его серебристо-белые длинные волосы трепал ветер, а в глазах читалась глубокая меланхолия — он снова погрузился в какие-то мысли, на мгновение потеряв концентрацию.

Глядя на змеиный браслет на запястье, Овини почувствовал беспричинное раздражение. Он уже поднес сигарету ко рту, но сделать затяжку ему помешал грузовик, вылетевший на встречную полосу. Он резко вывернул руль.

Чудом избежав столкновения, Овини поднял глаза — и в тот же миг его зрачки сузились до точек. Вспыхнули два слепящих луча фар, и в голове разом опустело.

Алая жидкость потекла по руке, капая прямо на серебряный змеиный браслет. Браслет словно ожил: он медленно увеличивался в размерах, глаза змеи вспыхнули ослепительным красным светом, постепенно оплетая его целиком.

Он медленно уменьшался, пока полностью не исчез. Оставшийся без управления автомобиль издал дикий рев, похожий на предсмертный стон, словно машина не желала вот так бесславно погибать на улице.

В густых зарослях вечнозеленых сосен и кипарисов стоял старинный особняк в винтажном стиле, из которого доносились женские стоны.

Охрипший голос делал эти звуки еще более жалобными и надрывными.

В тот самый момент, когда женщина уже почти потеряла голос, из комнаты раздался громкий, пронзительный плач, огласивший всю округу — крик новорожденного младенца.

Однако появившегося на свет мальчика тут же бросили на постель рядом, и никто даже не попытался его успокоить. Помощницы в костюмах служанок лишь молча прибрались в луже крови, оставив обессиленную женщину лежать на кровати, после чего безжалостно покинули комнату.

Детский плач стих, но хозяин этого особняка так и не появился. Пришедший в себя малыш с остекленевшим видом уставился на таинственный и роскошный потолок.

Где это я? — новорожденный мальчик попытался приподнять свои тощие ручонки и открыть глаза, но у него ничего не вышло.

Хруст! — дверь приоткрылась.

Кто-то в капюшоне, крадучись, вошел в комнату, бросил взгляд на заснувшую от усталости женщину и тихонько подошел к кровати.

— I'm sorry, my young master, I have to send you away.

(Прости меня, мой юный господин, я должна отправить тебя прочь.)

Служанка достала записку с какими-то каракулями, засунула ее в пеленку и быстро подхватила ребенка на руки. Мальчик изо всех сил старался разглядеть окружающую обстановку, но увы — он был всего лишь младенцем, родившимся меньше часа назад, и ему оставалось лишь покориться воле служанки.

Силы окончательно оставили его, и он тяжело смежил веки. Сколько времени прошло — неизвестно, но его первый в этой жизни сон был тревожным, а весь путь прошел под непрекращающуюся тряску.

Наконец он ощутил легкий холодок и услышал наконец доносящийся со всех сторон галдеж. Голоса сливались в сплошной гул, и для новорожденного разобрать их было непосильной задачей.